

Москва, киношопы, 2003 - 25 июня - с. 5.

— В моей жизни было так, что я мог сохранить семью с помощью лжи. Но можно ли с помощью постоянной лжи спасти общество? Я так не думаю.

— Вы из Западного Берлина, а фильм сняли о Восточном. А какой Берлин, какая Германия вам нравится больше?

— Когда была еще стена, мне, конечно же, больше нравился Западный Берлин. После ее падения какие-то вещи из Восточного Берлина стали очень модными. Там можно было дешево снимать квартиру, туда потянулась молодежь, и возникла некая субкультура, богема. Но потом за ней потянулись люди с деньгами — и квартиры, и жизнь начали дорожать. Один район, который сначала был наиболее дешевым, становился чуть ли не самым дорогим. Тогда вся богема переезжала в другой район... И так происходит до сих пор. Я не могу сказать, что какой-то Берлин мне нравится больше: и там, и там есть места, которые мне нравятся.

— А что делали вы лично, когда рухнула Берлинская стена?

— Вечером я ехал на своей машине, случайно включил радио, и на каждой радиостанции — звон колоколов. В ратуше есть колокол Свободы, и его звон транслировали все радиостанции. И потом я поехал на границу Западного и Восточного Берлина, и там было человек по пять. Через два часа их число возросло примерно до 10000, причем как на той, так и другой стороне. Где-то в 11 часов вечера пограничники сами сняли оружие и стояли уже не группами, как раньше, а по отдельности. Они курили и смотрели вдаль с безразличными лицами. Увидеть, как все рухнуло за два часа, — это был лучший урок истории в моей жизни.

— Почему вы пригласили сниматься именно Чулпан Хаматову?

— Я искал русскую актрису, которая не очень хорошо говорит по-немецки, но которую не нужно было бы озвучивать. Выбор русских актрис ее возраста, которые знали бы язык, не такой уж и большой. Теперь я уверен, что это был удачный выбор, и сейчас ее очень хорошо знают в Германии. Я встретился с ней в кафе, и тем больше я рассказывал ей о своем фильме, тем больше у нее расширялись глаза, она была крайне удивлена и наконец спросила меня: как я собираюсь снимать кино о Восточном Берлине в Южной Африке? Оказывается, ее агент просто перепутал два фильма. Меня очень позабавила эта история, я подарил ей путеводитель по Южной Африке, и мы начали работать.

Константин ШАВЛОВСКИЙ.

Хит немецкого кино "Гудбай, Ленин!" открыл программу XXV ММКФ "Кино Германии сегодня". Ради такого события в Москву прилетел его режиссер Вольфганг Бекер — обаятельный немец средних лет с редкими седыми волосами и веселым, добродушным лицом. После пресс-конференции, которая удивительным образом совпала с днем его рождения, он дал эксклюзивное интервью "МК".

"Гудбай, Ленин!" для Германии — что-то вроде "Кукушки" Александра Рогожкина для России. Судите сами: ненавязчивая комедия с общечеловеческим смыслом, девять национальных премий (у "Кукушки" — три "Золотых Орла" и четыре "Ники"), 6 млн. зрителей, хорошая отечественная и зарубежная пресса. Из чего можно сделать вывод, что хорошая комедия сегодня важнее и дороже зрителю, чем серьезное кино со вторым и третьим смыслами. История же, рассказанная Бекером, одновременно смешна и трагична: мать главного героя, настоящая коммунистка и патриотка Восточной Германии, впадает в кому. Рушится Берлинская стена, Германия соединяется, в магазинах появляются западные товары. Героиня просыпается уже в совершенно другой стране. Чтобы оградить мать от лишних волнений, ее сын начинает сам придумывать историю, которая кардинально отличается от настоящей. В фильме Бекера все время обыгрывается тема лжи: сын лжет во спасение матери, а потом выяс-

ХАМАТОВА ЧУТЬ НЕ УЕХАЛА В АФРИКУ

Что для немцев
"Гудбай, Ленин!"
для русских —
"Кукушка"

няется, что и она лгала ему много лет с той же целью. Чулпан Хаматова играет медсестру, которая ухаживала за матерью, ну и, естественно, стала девушкой героя.

— Известна поговорка: "Режиссер врет 24 кадра в секунду". А вы сами верите в ложь во спасение?